

Н. Н. ЕВРЕИНОВ

Тайна Распутина¹

<Фрагмент>

Его тайна

В чем была тайна успеха Распутина? его беспримерного восхождения на недостижимую, казалось бы, высоту? тайна его сказочной мощи у «подножия трона»? его исключительного порабощающего влияния на Николая и Александру Романовых, не говоря уж о других, о целом сонме жертв его колдовских чар?

Ответ на подобные вопросы некоторые находят прежде всего в *гипнотизме*, коим широко пользовался «святой старец» не только в целях своих мнимых чудес, но главным образом и в целях подчинения своему влиянию «нужных лиц» — нужных ему или другим, действовавшим через Распутина, — на этот счет мнения расходятся.

Утверждали, например, что Распутин был только фокусом, в котором якобы сосредоточивалась коллективная сила гипноза группы «черных оккультистов», избравших «старца» как орудие своих тайных замыслов*. Другие передавали, что Распутин был орудием лишь одного магнетизера, научившего «старца», в своих собственных интересах, гипнотическому влиянию. — Последняя версия находит себе, между прочим, подтверждение и в записках С. П. Белецкого. «Когда я был директором департамента полиции, — пишет он, — то в конце 1913 г., наблюдая за перепиской лиц, приближавшихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером, лично для своего материального благополучия, на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды, в силу

¹ Печатается по: *Евреинов Н. Н.* Тайна Распутина. Пг.: Былое, 1924. С. 49–80.

* «Падение режима». С. 20.

наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе сконцентрировать. Ввиду этого, я, собрав более подробные сведения о гипнотизере, принадлежавшем к типу аферистов, спугнул его, и он быстро выехал из Петрограда. Продолжал ли после этого Распутин брать уроки гипноза у кого-либо другого, я не знаю, так как я вскорости оставил службу» *.

Что у Распутина были не только «наличие сильной воли», как передает Белецкий, и «умение ее в себе сконцентрировать», но и чисто внешние для гипнотизера данные, — об этом знает всякий, кто хоть раз видел этого знаменитого «чародея».

«Ну и глаза у него! — пишет Е. Джанумова в своем дневнике. — Каждый раз, когда вижу его, поражаюсь, так разнообразно их выражение и такая глубина. Долго выдержать его взгляд невозможно. Что-то тяжелое в нем есть, как будто материальное давление вы чувствуете, хотя глаза его часто светятся добротой, всегда с долей лукавства, и в них много мягкости. Но какими жестокими они могут быть иногда и как страшны в гневе» **.

Обычным «приемом» Распутина при знакомстве с новым для него лицом было — задержать его руку в своей огромной руке и вперить свой взор во взор другого. — Эффект «воздействия» сильной воли испытывался каждым из знакомившихся с ним, испытывался сразу же и, насколько известно, без единого исключения.

При дальнейшем знакомстве с Распутиным, его гипнотические чары, если только ему нужно было, сказывались всё сильнее и сильнее, пока не доводили объекта его «колдовского» воздействия до подобия паралича «собственной воли».

— Я очень устала от всего этого, — пишет Е. Джанумова, имея ввиду под «всем этим» недвусмысленное «приставанье» к ней «старца», — хочу уехать и, сама не знаю почему, остаюсь. *Как будто как-то парализована моя воля****.

— Несомненно, — подтверждал убежденно бывш. министр А. Н. Хвостов (в своих показаниях Чрезв. Следств. Комиссии в 1917 г.), — Распутин был один из самых сильных гипнотизеров, которых я когда-нибудь встречал! Когда я его видел, я ощущал полную подавленность; а между тем никогда ни один гипнотизер не мог на меня подействовать. Распутин меня давил; несомненно, у него была большая сила гипноза****.

* Падение режима. С. 21.

** Указ. соч. С. 25.

*** Указ. соч. С. 30 (курсив наш. — Н. Е.).

**** Падение режима. С. 27–28.

О том, как влиял в этом смысле Распутин на Николая II, — А. Н. Хвостов сообщил той же Следств. комиссии два случая, стоящих на границе анекдота. Первый случай: — Сидит Распутин совершенно пьяный. Приехал опохмелиться. Утром ему было очень скучно, и он позвал своих сыщиков к себе — чай пить. А тем очень приятно: вместо того, чтобы сидеть на лестнице — лучше у него посидеть; для него же эта компания своя... Вот они сидят, пьют чай, у него голова болит; кто-то из этих господ спрашивает его: «Что ты, Григорий Ефимович, грустный? Что задумался»?.. Он говорит: «Сказано мне подумать: как быть с Государственной Думой. Я совершенно не знаю, а как ты думаешь»?.. Тот говорит: «Мне нельзя думать об этом, а то мне от начальства влетит»... Распутин говорит: «А знаешь что? я его пошлю самого в Думу: пускай поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сделать»... После этого мне было смешно, — признавался Хвостов, — когда несколько членов Государственного Совета приписывали себе влияние в Ставке на то, что состоялось это посещение Государственной Думы... Вот в чем был трагизм положения! Его воля была подавлена. Я утверждаю, что воля его была иногда подавлена также гипнотически. Удавалось только на минуту вывести из гипноза*.

Другой случай «действия под гипнозом» Николая II состоял, по проверке Хвостова, в следующем: — Хвостов сделал «всеподданнейший» доклад о необходимости сенаторской ревизии железных дорог, указав на ген. Нейдгардта как на желательного ревизора. В это время состоялось назначение Трепова, который, разойдясь в этом вопросе с Хвостовым, отправился в Ставку и выхлопотал там у царя отмену ревизии. «Мое положение, — вспоминал Хвостов пред Следств. комиссией, — получилось странное: я выхлопотал эту ревизию, Нейдгарту сказал, тот передал... Началась междуведомственная история!.. На императора это страшно подействовало, и ему неловко стало, что я попросил, он согласился, а затем — отменил. Тогда он посоветовался с Григорием, как рассказывал сам Григорий: со мной, говорит, папашка советовался: как быть? — он обидел «внутреннего», но и «железного» не хочет обидеть... Но я ему сказал: ты их позови, поставь рядом, да не приказывай, а скажи: — «будьте вы в мире, — что вам ссориться — будьте по-божьи»... Когда я этот рассказ получил, я посмеялся... Через несколько дней я еду с очередным докладом (обыкновенно доклады были в 5 час, тут почему-то в 11 час). Доклад был очень краткий. Меня просят подождать в приемной. Минут через 10 является Трепов. Нас зовут вместе в кабинет, и тут происходит буквальное повторение того, над чем я, за три

* Там же. С. 35.

дня перед тем, смеялся! Вошел император, обратился к нам и говорит: «Господа, я вам не приказываю, а вас прошу убедительно, — для пользы России, — этого не делать, этих контров: я ошибся, поторопился» ... После этих двух фактов могло ли быть у меня сомнение в том, что там гипнотическое влияние?!*

Была ли возможность для Николая II выйти из того гипнотического круга, какой очертила вокруг него властная рука Распутина? — Мог ли вообще Николай II иметь хоть малейшее представление о том, чья именно воля руководит им в том или другом «его» царском решении?

По-видимому — да, и мы уже знаем, за чью волю почитал царь волю Распутина: — «святой» мог внушить ему, думал он, лишь «божественную» волю; — при этом слабовольным монархом совершенно упускалось из виду, кто именно внушил ему прежде всего веру в «святость» самого гипнотизера.

«Подвергающийся внушению, — учит проф. Авг. Форель, — получает такое впечатление, как будто не только воля гипнотизирующего, но и его собственная диктуют ему данное стремление или желание, которое загипнотизированному чрезвычайно приятно или, по крайней мере, является неизбежным для него и обязательным. В чувстве поддающегося влиянию, что особенно свойственно женщине, есть своего рода удовольствие, которое нередко сочетается с пассивными чувствами половой любви, большей частью у женщин» **.

Этими последними словами А. Форель как бы подсказывает нам уже разгадку, почему именно Александра Федоровна была всегда первой в послушании «старцу», не только сама повинувшись ему рабски, но внушая такое повиновение и своему «благоверному».

Эти же слова А. Фореля подтверждают и определение Распутинского гипнотизма, сделанное академиком В. М. Бехтеревым в его статье «Распутинство и общество великосветских дам» ***.

«В заключение скажу, — говорит Бехтерев в этой статье, — что если кто и хотел бы понимать все, что известно относительно покорения дам высшего общества грубым мужиком Распутиным, с точки зрения гипнотизма, то он должен не забывать, что, кроме обыкновенного гипнотизма, есть еще “половой” гипнотизм, каким очевидно обладал в высокой степени старец Распутин».

Насколько известно, «старец» никогда не прибегал, в целях *внушения*, к усыплению своих невольных «пациентов». Но усыпление,

* Падение режима. С. 46.

** Половой вопрос / Перев. Н. Б. Борисова. Изд. «Сотрудник». Т. II. С. 296.

*** Петрогр. газета. 21 марта 1917 г.

в сущности, и не нужно вовсе при внушении, для того, чтобы имел место гипноз. — *Нет разницы между внушением наяву и гипнозом.* — учил А. Форель еще в самом начале этого века (см.: *Der Hypnotismus und die suggestive Psychotherapie*). «*Как гипнотизм, так и внушение в состоянии бодрствования должно считать однозначными*», — повторяет он вновь в своем исследовании «Половой вопрос»*.

«Силою гипнотизировать и внушать, — говорит д-р G. Sticker, — обладает всякий, кто имеет силу или дерзость импонировать, приказывать, укрощать, но в особенности тот, кто бессознательно, но непоколебимо верит в свое призвание повелевать, а вместе с тем умеет быстро уловить слабость воли, подчиняемость и сумеречность в другом “я” и кто обладает тактом и опытом, чтобы использовать слабость противника»**.

Можно подумать, что д-р G. Sticker, в этом психологическом портрете, имел перед собой моделью самого Распутина, — так подходит все сказанное в этом абзаце к характерным чертам нашего сибирского «чародея».

К сказанному не мешает прибавить, что, по научным наблюдениям того же G. Sticker, «*вера в сверхмогущество посторонней воли способствует происхождению гипноза*» и что успех последнего порой зависит, по словам того же автора, «*от хитрости гипнотизера*»***.

Как известно, знаменитый Mesmer не напрасно надевал, на заре суггестивной терапии, лиловую мантию при своих опытах магнетизма и вооружался, приступая к ним, «волшебным жезлом». — Это импонировало, это очаровывало его пациентов так же, как и все поведение этого хитрого *актера!* — ведь еще в XVIII веке Charles lfcitteux (первый пустивший в ход слово «переживание») определил *игру актера* как своего рода *внушение*****.

Если мы будем придерживаться наиболее общего определения понятия «внушения», данного В. М. Бехтеревым в его труде «Внушение и его роль в общественной жизни», т. е. будем обозначать этими словами *психическое воздействие вообще*, то мы несомненно (и совершенно правильно) увидим в искусстве актера могучее средство внушения.

Не прибегая к усыплению в практике своего гипноза, Распутин, как бы компенсируя этот метод, широко, по-видимому, пользовался,

* С. 289, 290 и др.

** Энциклопедия практич. медицины / Под ред. проф. В. В. Подвысоцкого и д-ра Л. Я. Якобзона. «Гипнотизм».

*** Там же. С. 903 первого издания.

**** Об этом упоминает, в частности, Вал. Смышляев в «Технике обработки сценического зрелища» (2-е изд. М., 1922. С. 207). О *внушении* актера см. в моей книге «Pro scena sua». С. 130.

в целях вящего внушения, искусством, составляющим удел *актера*. — В этом и заключалась, главным образом, та «*хитрость гипнотизера*», на которую указывает G. Sticker как на одно из средств успешного гипнотизирования.

«Удивительно у него подвижное и выразительное лицо», — говорит Е. Джанумова о Распутине*, всматриваясь в него, словно вправду перед ней был не «подвижник», а самый типичный *актер* «с лукавой добротой и лаской», с глазами, у которых «так разнообразно их выражение» и т. п.**.

О том, что Распутин считался целым рядом лиц, не поддавшихся внушаемой им «святости», определенным «*шарлатаном*», т. е. актером-фигляром, выступавшим в роли чудодея, — об этом так же хорошо известно, как и о «притче во языцах», какой служил сам «старец» в последние годы царствования Романовых.

Актером называет и как *актера* трактует Распутина прекрасно знавший его С. П. Белецкий в своих записках. — Говоря о той поре жизни Распутина, когда последний решил стать не монахом, как хотел того раньше, а странником и святошей-юродивым, что было более ему по душе и скорей подходило ко всему складу его характера, — Белецкий пишет: «очутившись в этой среде в сознательную уже пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже, как “Гриша провидец”, ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, будучи разом и невежественным и красноречивым, и *лицемером* и фанатиком, и святым и грешником, аскетом и бабником, и *в каждую минуту актером*)»***.

«Присмотревшись к Распутину, — говорит в другом месте Белецкий, — я вынес убеждение, что у него идейных побуждений не существовало и что к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов своих и Вырубовой. Но в силу свойств своего характера, он старался *замаскировать* внутренние движения своей души и помыслов. Изменяя выражение лица и голоса, Распутин притворялся прямодушным, открытым, не интересующимся никакими материальными благами, человеком, вполне доверчиво идущим навстречу доброму делу, так что многие искушенные опытом жизни люди, и даже близко к нему стоящие лица, зачастую составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрывать их карты»****.

* Указ. соч. С. 14.

** Там же. С. 25.

*** Указ. соч. С. 19–20.

**** Там же. С. 30.

«Будучи скрытным, подозрительным и неискренним, — прибавляет Белецкий к характеристике Распутина *как актёра в жизни*, — умея носить на лице и голосе маску лицемерия и простодушия, он вводил этим в заблуждение тех, кто, не зная его (а таких было много, в особенности из состава правившей бюрократии), мечтал сделать из него послушное орудие для своих влияний на высокие сферы»*. Несколькими страницами дальше Белецкий подробно рассказывает, как Распутин *«играл свою роль»*, желая выяснить, к чему клонились «настояния» того же Белецкого**, и приводит убедительный пример, насколько этот лицедей был неискренен в своих отношениях к высоким особам и как он старался в каждом случае найти возможность подчеркнуть им, что все его помыслы и действия направлены исключительно к служению их интересам, доходящему до забвения им даже своих личных обязанностей к семье или родным***.

Всё заставляет думать, что и вправду это был крайне талантливый и крайне искусный, несмотря на свою доморощенность, *актер-самородок*, понимавший не только сценическую ценность броского костюма «мужицкого пророка» (всех этих вышитых рубах цвета крем, голубых и малиновых, мягких особых сапог, поясов с кистями и т. п.), но и ценность особой, подобающей «пророку» «божественной речи». (Из дальнейшего будет ясно видно, *какой* именно идеал предносился в творческом воображении этого «актёра».)

Касаясь *«нарочито нелепого»* языка записок и телеграмм Распутина, — М. Н. Покровский справедливо замечает в предисловии к «Переписке Николая и Александры Романовых»: «Не может быть, чтобы “божий человек” не умел говорить понятно по-своему, по-крестьянски, — но и ему, и его поклонникам обыкновенная человеческая речь показалась бы отступлением от ритуала. И только, когда житейская проза очень уж хватала за живое Распутина — как это было, когда призвали на войну его сына, — его стиль унижался до обыкновенной человеческой речи»****.

О том, что в своей беседе, под влиянием вина, Распутин унижался порой (словно и вправду актер-забулдыга!) и до скотской речи, непристойной его «высокому призванию», — об этом знает целый ряд свидетелей его кутежей «до бесчувствия»*****, до буквального «положения риз»,

* Там же. С. 26.

** Там же. С. 37.

*** Там же. С. 63.

**** Указ. соч. С. XXVII.

***** До «такой *разнузданности*», — сообщает Белецкий (Указ. соч. С. 72), что однажды «хор цыган поспешил уехать».

как это было, например, при попойке у «Яра» (см. 1-ю главу настоящего очерка). И недаром, когда он хотел «импонировать», ему приходилось быть сдержанным в предательском вине (*in vino veritas!*). — На первых наших обедах, рассказывает Белецкий, Распутин бывал сдержан в вине и даже пытался вести беседы в духе своих «размышлений»; но затем Комиссаров установил с ним сразу дружеские разговоры на «ты» и отучил его от этой, по словам Комиссарова, «божественности». Это понравилось Распутину, и он с того времени перестал нас совершенно стесняться и, приходя в хорошее настроение, приглашал нас обычно поехать к цыганам*.

Здесь рядовой истолкователь *тайны* Распутинского «влияния» может смело, пожалуй, поставить точку, считая в общих чертах эту тайну разоблаченной: — Распутин гипнотизер, шарлатан, актер-лицемер, развратник-христоролюбец, импонирующий сексуально в нравственно-шаткой среде, где «половой гипноз» легко находит жертв среди ханжей-дегенератов и т.п.

Так, или приблизительно так, и раскрывается в сущности «*тайна Распутина*» такими мемуаристами, как С. П. Белецкий, Морис Палеолог, В. М. Пуришкевич, Курлов и т.п.

Мы, однако, вряд ли можем так легко удовлетвориться приведенными здесь данными. — Были при дворе Романовых и до Распутина всевозможные гипнотизеры и «актеры в жизни», искушенные в ролях «пророков» и «святых» (вроде m-r Филиппа, например), и шарлатаны-целители (вроде «доктора» Бадмаева, например), и всевозможные христоролюбивые «блаженные» юродивые (вроде Мити Колябы, например), и «чудотворцы» (вроде Иоанна Кронштадтского), и лица, обладавшие как будто недюжинными половыми чарами или, верней, «внушительным» соблазном, близким к гипнозу (та же Вырубова, тот же Саблин), — но никто из них не только не сумел добиться «положения», равного распутинскому, но и помыслить об этом не смел, довольствуясь лишь теми «крохами», какие падали им в рот с «высочайшей» трапезы.

В Распутине — опять-таки — не только сосредоточивались все те данные, какими, каждым *в отдельности*, обладали порой временные или постоянные фавориты Романовых, но — что неизмеримо важнее — заключалось нечто специфически ему свойственное, нечто или чуждое его соперникам или мало у них развитое, нечто, обеспечивавшее Распутину выдающийся успех влияния, что называется, «наверняка».

Это «нечто» состояло в чем-то абсолютно «*настоящем*» у Распутина, примешивавшемся к «*наигранному*» у него и обуславливавшем

* Указ. соч. С. 72.

для нервно-неуравновешенных и слабовольных людей какую-то непрекаемо-импонирующую «правду».

В чем же заключалось это колдовское «нечто» у Распутина? это «настоящее» у него? эта его подлинно что «сокровенная» тайна?

Ответ на этот вопрос скрывается в сущности первичного драматического феномена.

До тех пор пока мы будем относиться, к «актерству» Распутина с привычной современному обывателю вульгарной точки зрения, — мы мало подвинемся в разрешении интересующего нас вопроса.

Но как только мы вспомним о первоначально-культовом значении «маски», в смысле личины божества, надевавшейся служителем его в целях усиленного самоотожествления с ним, — мы сразу же подойдем к той точке зрения, с которой тайна Распутина, и в частности тайна его лицедейства, получает должное освещение.

Маска в новейшем значении этого слова «есть результат извращения и профанации древнего священного лицедейства», — учит одна из спорад Вячеслава Иванова*. — Эта наша маска не имеет ничего общего с той культовой личиной, в которой, например, у греков, при служении Дионису, заключалась подлинная религиозная сущность.

Понять «маску» Распутина, вернее — *основную его личину* и основное его настроение, этой «маской» обусловленное, — значит раскрыть основную тайну его поведения, тайну самоуверенности этого поведения и, наконец, мощного гипноза, связанного с этим поведением для лиц, желавших видеть в Распутине прежде всего его «маску» и главным образом его «маску», а не его самого, терявшегося за «маской», составлявшей как бы его «сущность».

«Видеть самого себя преображенным в своих собственных глазах и затем поступать так, как будто действительно ты вошел в тело и характер другого», в этом, как мудро формулировал Фр. Ницше, и заключается «первичный драматический феномен»**. — «Надевшей маску (как культовую личину), поистине отождествляется, в собственном и мирском сознании, с существом, чей образ он себе присвоил. Таков изначальный мифологический смысл маски», — поясняет Вяч. Иванов***.

Этот «первичный драматический феномен», это изначальное значение «мифологической маски» мы можем легко объяснить путем *самовнушения* роли «божества», «святого» или «героя», — «маски»

* По звездам. Изд. «Орры». СПб., 1909. С. 343.

** Происхождение трагедии / Пер. Ю. М. Антоновского. Изд. М. В. Клюкина. М., 1902. С. 64.

*** Указ. соч. С. 344.

гипнотически действительной затем, в качестве «*сущности*», для лиц таящих в себе предрасположение к подобному гипнозу.

О том, что Распутин играл роль «святого», более того — ново-явленного «Христа», — в этом мы можем убедиться из всего описания его «жития», «чудес», «пророчеств», «изречений» и, наконец, из его неоднократных внедрений в сознание других (например, того же Илиодора), что вот, мол, даже царь и тот его уже признал Христом, и царица тоже, и др.

В этой роли мы должны признать *основную личину* Распутина, ту «*мифологическую маску*» его, о которой, как о культовой ценности огромного религиозного значения, говорит нам Вяч. Иванов в одной из своих спорад.

Только при предположении, что Распутин был религиозно убежден в отождествлении себя, если не в тождестве своем, с «святым» и даже с «Христом», можем мы понять ту сбивающую с толку *свободу личного поведения*, которой он почти бравировал, зная, что «святому», а тем более «богу», все позволено, — «ему, как праведнику, закон не лежит», — говорят, например, хлысты*.

Надо быть или круглым дураком, или *фанатично верующим в себя, как в «бога»*, чтобы, без малейшего удержу, разъезжать по ресторанам и кутить там «напропалую» всю ночь, посещать открыто салоны «монденок» и «демимонденок», публично «дебоширить», напившись допьяну, и вообще позволять себе все то, что позволял себе Распутин. — Шарлатан, конечно, так не поступал бы! шарлатан держался бы «Тартюфом», «тише воды, ниже травы» перед сонмом взыскательных критиков! Не надо обладать особенным умом, чтобы понять, как должен вести себя «святой» или «бог», раз желаешь импонировать, прикинувшись тем или другим! — «шкурный интерес», подскажет даже пьянице хорониться келейно со своими грешками, а не выставлять их напоказ.

Другое дело, если являешь собой «первичный драматический феномен», т. е. отождествляешь себя с «богом», «мифологическую маску» которого носишь, фанатично в него веруя! Тогда, понятно, «никакие законы для тебя не писаны», кроме твоих личных, «божественных», и нет тебе никакого дела до «шумного света», с его взглядами на добропорядочное поведение настоящего «святого» или «бога».

При таком отождествлении себя с «маской» наблюдается явление, очень близко подходящее, по-видимому, к так называемому в психологии «*двойному сознанию*», на которое еще в середине прошлого

* Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. «Хлысты». С. 406.

столетия обратил внимание Шредер фан-дер-Кольн. При «двойном сознании», как известно, имеет место «ненормальное психическое состояние, при котором в одном лице слагаются два совершенно различных и независимых друг от друга сознания»*. Патологические случаи такого «двойного сознания», по наблюдению д-ра Weygandt, наблюдаются большей частью на эпилептической и истерической почве**.

Если мы вспомним из жизни Распутина такие случаи, как его обморочное состояние, с сопровождением обильного пота вслед за «воскрешением» Вырубовой, его помертвление (припадок) перед «пророчеством» Е. Джанумовой о спасении ее племянницы и целый ряд случаев его болезненных неводержанностей, — мы будем вправе предположить у знаменитого «старца» ту истеро-эпилептическую «одержимость», на почве которой психиатрия констатирует возможность «двойного сознания», столь близкого сознанию отождествляющего себя с «мифологической маской».

Но здесь естественно напрашиваются два очень важных вопроса, без разрешения которых наше объяснение «тайны Распутина» может показаться вдумчивому скептику произвольным утверждением. — Да был ли *в самом деле* Распутин настолько религиозным типом, чтоб отождествлять, в фанатичном самовнушении, себя со своей «божеской маской»? А если да, то как понять и как связать его эротику, его *плотский разврат*, его ничем не ограниченные половые излишества с положением твердо верующего в себя святого, если не бога?

Я позволю себе ответить сначала на второй из напрашивающихся здесь вопросов.

Возбуждение полового инстинкта, в связи с религиозной экзальтацией и вообще с молитвенным подвигом — общеизвестный факт, хотя еще и недостаточно до сих пор разъясненный. — «Художественное делание молитвы Иисусовой, — говорит епископ Феофан Затворник, — иного ввергает в прелесть мечтательную, а иного, дивно сказать, в постоянное похотное состояние» (Собрание писем святителя Феофана. М., 1901. Т. 7. С. 87). По его же словам, теплота («теплое чувство»), сопровождающая сосредоточенную в сердце молитву, нередко соединяется «с сладостью похотною» (Письма. Тамбов, 1897. С. 317). «Какое странное явление, — говорит епископ Игнатий (Брянчанинов),

* Радлов Э. Л. Философский словарь. Изд. Г. А. Лемана, 1913. С. 164.

** Энциклопедия практической медицины / Под ред. проф. Подвысоцкого и д-ра Якобсона. Т. 1. С. 13114 — «Двойное сознание». О «раздвоении личности» см. также у У. Джемса в «Психологии» (пер. П. П. Лапшина. СПб., 1898. С. 163–165).

по-видимому, подвижник занимается молитвою, а занятие порождает похотение, которое должно бы умерщвляться занятием» (Сочинения. Т. 2. СПб., 1865. С. 354).

Связь полового чувства с религиозным вскрыл — еще задолго до фрейдовского учения о сублимации первого из них во второе* — проф. Р. Краффт-Эбинг, полагавший, на основании ряда исследований, что «религиозное и половое состояние аффекта обнаруживают на высоте своего развития единогласие в качестве и количестве возбуждения и могут поэтому соответственным образом викариировать», причем «оба могут, при патологических условиях, перейти в жестокость»**.

О «склонности человека связывать свою эотику с религией, приписывая первой божественные источники и выдавая ее за продукт веления свыше», говорит определенно проф. Форель во II томе своего исследования «Половой вопрос».

О том, что Распутин являл крайне красноречивый пример подобной «склонности», мы легко убеждаемся из примеров его «жития» (см. гл. II настоящего очерка), в коих он объяснял жертвам своего сладострастия освящающее значение своих «прикосновений».

Словно имея в виду самого Распутина, отталкивающая эотика которого заставляла даже филеров (охранников) вспоминать с омерзением о виденных ими, по долгу службы, проделках этого «святого»***, Форель поучительно для нас замечает: «не свободна от половых представлений и жизнь святых, причем нередко в самой отталкивающей эротической форме»****.

Отметив, что у французских психиатров имеется даже специальный термин «*délire érotico-religieux*», Форель опять-таки, словно метя как раз в Распутина, замечает, что «лица безусловно психопатические и истеричные всегда воздействовали на судьбы народов, причем это могло быть объясняемо главным образом гипнотизирующим влиянием представлений на половой и одновременно религиозной почве»*****. «При этом, — продолжает Форель (подкрепив свой домысел исторически заверенным примером), — характернее всего то, что сами больные находятся прежде всего под патологи-

* Среди обширной фрейдовской литературы уместно указать в особенности на «Тотем и табу» — психологию первобытной культуры и религии (в русском переводе д-ра М. В. Вульфа эта книга издана Госиздатом, в виде выпуска VI «Психология, и психоаналитич. библиотеки», под ред. проф. И. Д. Ермакова).

** Половая психопатия / Пер. д-ра Б. Комаровского. С. 18.

*** Белецкий С. П. Указ. соч. С. 72.

**** Указ. соч. Т. II. С. 364.

***** Там же. С. 365.

ческим непосредственным влиянием их же собственных бредовых представлений, и притом в столь сильной степени, что вдохновляются до крайней степени, приобретают фанатизм пророков и развивают такую колоссальную энергию, которою единственно и оправдывается их колоссальное воздействие на массы. При этом безответственная самоуверенность, вера в собственную непогрешимость, пророческие приемы, — все это настолько импонирует толпе, что она идет вслед за ними, экзальтированная и загнипнотизированная, подчиняя свою волю и свои поступки желаниям и прихотям психопата. С безумием в этих случаях весьма часто сочетается и самым низменным эротизм, прикрытый, однако, религиозным экстазом и не обнаруживаемый окружающими, которые убеждены в чистоте всего их окружающего, ибо в этом же убежден и сам увлекший их психопат»*.

В результате своего исследования Форель приходит к заключению, что *«мы можем... в зависимости от половых чувств данного пророка или основателя религиозного учения определить и его религиозное нововведение»***.

Отсюда понятно, почему я предпочел ответить сначала на вопрос о совместимости плотского разврата с истинной религиозностью, а потом уже на первый из поставленных нами вопросов: *был ли в самом деле Распутин подлинно религиозным типом?*

Простое, даже беглое ознакомление с половыми причудами Распутина, вроде страсти окружать себя многими женщинами, словно священным «вакхическим хороводом», страсти унижать их всячески (мытьем ног, вождением в баню и пр.), страсти проявлять реально или символически жестокость к ним (бичеванье женщин, похлопыванье их рукою) и т. п. — приводит мало-мальски сведущего в половых извращениях критика к квалификации развратника Распутина, как *садиста*.

Если это так, — а в том порукой все плотское «житие» Распутина, — и если прав Форель, что в зависимости от «половых чувств» данного лица определяется и его «религиозное нововведение», — мы должны предположить, что Распутин должен был естественно облюбовать такой религиозный уклад, в коем притягательный для садиста момент доминирования *«яко бог»* над окружающими, в частности — над женщинами, был бы непрекаемо ясно выражен.

Такой религиозный уклад Распутин мог найти уже в готовой форме у *хлыстов* — секты, где главное «нововведение» могло ограничиться разве что провозглашением, наравне с другими жившими раньше

* Там же. С. 366.

** Там же. С. 369.

«Христами», и себя «Христом», согласно хлыстовскому учению, что Христос не только «может входить с нами в общение», но «*может даже вселяться в нас*»*.

Если мы найдем убедительные данные для подтверждения стоустной молвы о том, что Распутин был действительно *хлыст*, — мы тем самым найдем верный ответ и на поставленный нами выше вопрос о *подлинной религиозности* Распутина, так как психологически немыслимо (до полного абсурда) быть сектантом и в то же время неверующим ханжой или даже маловерующим.

«Мы желаем сильной власти, — сострил в 1915 г. В. И. Гурко (на одном из московских заседаний Всер. зем. союза), — мы понимаем власть, вооруженную исключительным положением, власть с хлыстом, но не такую власть, которая сама находится под хлыстом»**.

«Это клеветническая двусмыслица, направленная против тебя и нашего Друга», — писала Александра Федоровна Николаю II после цитаты приведенных слов Гурко***.

Действительно ли это — «клеветническая двусмыслица»? *Имеет ли мы в самом деле основание утверждать принадлежность Распутина к хлыстовской секте?*

Этот вопрос, между прочим, сильно занимал С. П. Белецкого в бытность его директором департамента полиции. Вот что он сообщает по этому поводу в своих, безусловно «проливающих свет» на хлыстовскую тайну Распутина записках: «Из имевшихся в делах канцелярии обер-прокурора Святейшего синода сведений, переданных секретно мне директором канцелярии г. Яцкевичем, несомненным являлся тот вывод, что Распутин был сектант, причем из наблюдения причта села Покровского, родины Распутина, явствовало, что он тяготел к хлыстовщине... Установить на основании фактических и к тому же проверенных данных несомненную принадлежность Распутина к этой именно секте не удалось тем более, что Распутин... был крайне осторожен, никого из своих односельчан не вводил в интимную обстановку своей жизни во время приездов к нему его почитательниц и филерное наблюдение к себе не приближал. Ввиду этого я принужден был, секретно даже от филерного отряда и местной администрации и сельских властей, всецело бывших на стороне Распутина, поселить на постоянное жительство в селе Покровском одного из развитых и опытных агентов и приблизить его к причту. Из донесений этого агента... для меня было очевидным

* См., напр., Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. «Хлысты».

** Переписка Н. и А. Романовых. С. 320.

*** Письмо от 8 сент. 1915 г.

уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям. Проникнуть несколько глубже в тайны его бани мне в ту пору не удалось... Познакомившись затем лично с Распутиным и заручившись доверчивым его к себе вниманием, я, продолжая интересоваться духовным мировоззрением Распутина, укрепился в вынесенных мною ранее выводах. Поддерживая в обиходе своей жизни обрядовую сторону православия и безапелляционно высказывая, даже в присутствии иерархов, свои далеко не авторитетные мнения по вопросам догматического характера, Распутин не признавал над своею душою власти той церкви, к которой он себя причислял; вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить г. Пайков, не интересовался, а любил вдаваться в дебри церковной схоластической казуистики; православное духовенство не только не уважал, а позволял себе его третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже в среде высшей церковной иерархии, отмежевав себе функции обер-прокурорского надзора, и чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей. Мне лично пришлось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченном кругу избранных, слышать своеобразное объяснение им своим неопиткам проявления греховности. Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал «преображение» своей души, омытой своими, грехами»*.

Рядом с этим мы находим наводящие на «хлыстовщину» данные и в показаниях А. Н. Хвостова Чрезвычайной следственной комиссии Врем. правительства в 1917 г. Вот интересный для нас отрывок из диалога председателя этой комиссия с Хвостовым после предложения председателя сообщить известное Хвостову о религиозности Александры Федоровны.

Хвостов. — Относительно религиозного вопроса, мне кажется, у нее был какой-то гипноз или странность — с этим Распутиным.

Председатель. — Что же? Вся религиозность сводилась к Распутину?

Хвостов. — Религиозность была захвачена Распутиным — это был «пророк», который явился с неба, который говорит... Это было беспрекословное повиновение. Мне кажется, она была под полным гипнозом.

Председатель. — Что же тут подразумевалось: сверхъестественное происхождение Распутина?

* Письмо от 8 сент. 1915 г. С. 25–26.

Хвостов. — Она намекала, что ждала, когда я из неверующего обращусь в верующего, но этого мне не говорила.

«Пророк, который явился с неба», как выражается Хвостов о Распутине, согласно впечатлению от беседы о нем с Александрой Федоровной, это и есть тот хлыстовский «Христос», который время от времени сходит на землю, чтобы воплотиться в достойного подвижника; ибо, по учению хлыстов, недостаточно «вообразить в себе дух христов», надо еще «отелесить в себе личность Христа»*.

В сущности говоря, мы и помимо сведений, какие дали в наши руки С. Л. Белецкий (с его штатом филеров) и А. Н. Хвостов, располагаем достаточными данными из «жития» о Григории для того, чтобы, путем сопоставления их с хлыстовскими традициями, увидеть в религиозной личности Распутина хлыста и притом хлыста, фанатично преданного вероучению этой секты.

Остановим наше внимание хотя бы на следующих предательских для Распутина чертах:

1) Хлысты, как известно, никогда не называют себя «хлыстами»**, считая это прозвище обидным; — «сами себя хлысты называют людьми божьими, в которых за их богоугодную жизнь обитает Бог»***.

«Божьим человеком» называет Распутина, наравне с «Другом», и бывш. императрица Александра Федоровна, в своей *интимной* переписке с Николаем II. Что это не было, так сказать, пустым прозвищем, условным для «Распутина» в беседе Н. и А. Романовых, говорят слова Александры Федоровны о вел. кн. Николае Николаевиче: «раз он враг божьего человека, — пишет царю А. Ф. 16 июня 1915 г., — то его дела не могут быть успешны и мнения правильны».

Название «божьего человека» так укрепилось за Распутиным, что стало наконец достоянием всех «салонов», не исключая посольских; — Палеолог, например, в своих воспоминаниях о Распутине**** сплошь и рядом, как известно, называет его «божьим человеком», вкладывая в эти слова ту иронию, какую подсказывали ему далеко не божественные «подвиги» этого «старца».

* Раскольники и острожники / соч. Федора Васил. Ливанова. СПб., 1872. Т. II. С. 6 («Московские хлысты»).

** «Хлысты», по-видимому, искаженное произношение «Христы»; «христовщиной» (а не «хлыстовщиной») секта называлась потому, что она управлялась «христами» (Энцикл. словарь Брокг. и Ефр. «Хлысты»).

*** Там же. С. 403.

**** См., напр., Указ. соч. С. 13, 15 и др.

2) Допустимость для облеченного высокой миссией «божьего человека» неистовой, залихватской пляски — явления «суетного» и «светского» в глазах ортодоксальных христиан — была возведена у хлыстов на степень заслуги подвижничества, при чем *пляска* практиковалась у них не только как соборное «радение», но и в «*одиночку*» или «*в схватку*» (мужчина с женщиной)*.

Кто не слышал в эпоху «распутиновщины» об экстазных развеселых плясках знаменитого «старца»? об этом странном совмещении им ролей «святого» и «танцора»? При этом важно отметить, что Распутин плясал в кругу своих поклонниц обыкновенно вслед за духовной беседой или *духовной песней*.

Вот что мы читаем в главе «Московские хлысты» книги Фед. Вас. Ливанова «Раскольники и острожники» (Т. II. С. 119–121): «В 1812 году был в этой секте... мещанин Евграфов. Этот Евграфов впоследствии попался в руки правительства и сообщил на формальных допросах о секте «московской хлыстовщины» весьма любопытные подробности. По его словам... *по окончании пения хлыстовских песен... пророчествующий становился среди моленной без штанов и начинал радеть, т. е. кружиться... приседал, сильно ударяя в пол ногами* и т.п.» (курсив наш).

Е. Джанумова, присутствовавшая не раз на распутинских «радениях», — правда светски маскированных, — передает в своем дневнике, от 19-го сентября, что пляске Распутина предшествовало исполнение хором сначала «Странника», определяемого Джанумовой как «*духовная песнь*», и *псалмов*. «Все это создавало такое торжественное и странное настроение», — пишет эта жертва распутинского обольщения. «Внезапно, — продолжает Джанумова, — без всякого перехода он стал напевать “русскую”. Сейчас же несколько голосов подхватило. Он махнул рукой в сторону великой княжны. Она вышла и стала плясать грациозно и легко. Навстречу подбоченился Распутин»**. Особенно подробно Джанумова описывает пляску Распутина несколькими страницами раньше (25 марта). «Играй “По улице мостовой”, — внезапно без всякой связи с предыдущим скомандовал он. Одна из барынь села к роялю и заиграла. Он встал, начал в такт покачиваться и притаптывать ногами в мягких сапогах. Потом вдруг пустился в пляс. Танцевал он неожиданно легко и плавно. Как перышко носился по комнате, приседая и выбивая дробь ногами, приближался к дамам, выманивая из их круга партнершу. Одна из дам не выдержала и с платочком выплыла к нему навстречу. Кажется, никто не был удивлен. Как будто

* Энцикл. слов. Брокг. и Ефр. «Хлысты». С. 407.

** Указ. соч. С. 19.

этот пляс среди бела дня был самым обычным делом... Мелькала бородатая фигура, развевались кисти голубого пояса. Четко и подробно выбивали такт ноги в мягких сапогах из чудесной кожи, какого-то особенного фасона. Глубоко сидящие глаза настойчиво вонзались в меня, и я не знала, что думать»*.

Дальнейших подробностей не сообщается, возможно — из чувства женской стыдливости. Чуждый этой стыдливости, «по долгу службы», начальник московской охранки Мартынов доносил, однако, командиру отд. корпуса жандармов и о «подробностях», следовавших за экстатической пляской Распутина, среди дамского общества, в московском ресторане «Яр». — О том, чтобы Распутин очутился *без штанов*, наподобие хлыста, описанного в показании Евграфова, Мартынов, правда, не «доносит», но что «опьяневший еще более *Распутин плясал впоследствии “русскую”*, а затем начал откровенничать с певичками... *обнажил свои половые органы* и в таком виде продолжал вести беседу с певичками», — об этом сообщается Мартыновым вполне определенно, на основании сведений пристава 2 уч. Суцевской части г. Москвы подполковника Семенова от 26 марта 1915 г.

Таким образом, характер плясок Распутина, связанных, с одной стороны, с «духовными песнями», а с другой — с экстатическим *заголением*, не оставляет сомнения в их хлыстовском происхождении.

3) По учению хлыстов, тому, в ком живет «дух божий», как праведнику, закон не лежит; он может *творить чудеса* и *предсказывать будущее***.

О том, что «чудесами» преизобиловало все «житие» Распутина, мы видели из II главы настоящего очерка.

Можно ли считать отношение Распутина к творившимся им «чудесам» чисто *хлыстовским*?

По-видимому, да; в особенности если иметь в виду все то, что говорилось Распутиным о главном его «чуде» — «*изгнании блудного беса*».

Вот что гласит показание хлыстовки А. Сухотериной, привлекавшейся по «Делу Оренбургского Окружн. Суда о хлыстах Утицких и Строгановой» (Т. I. Л. 127): — «По словам хлыстов, тело, плоть — грешны, немощны, *во плоти сидит злой дух*; и вот, когда в человека кто-либо из пророков или христов... дыхнет истинным духом, то при выходе из тела злого духа, всё тело дрожит, трясется» и т. п.***

* Указ. соч. С. 10–11.

** Энцикл. словарь Брокг. и Ефр. «Хлысты». С. 406.

*** «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» Д. Г. Коновалова. Ч. I, вып. I. Сергиев Посад, 1908. С. 210.

О том, как толковал Распутин понятие «дыхнуть истинным духом», мы говорили во II главе со слов самого Распутина, сказанных интимно его некогда закадычному другу Илиодору.

Что касается дара пророчества («предсказывания будущего»), то, по словам Фед. Вас. Ливанова, «для приобретения дара пророчества и учительства, у них не требуется никаких особенных способностей и сведений, почему в это звание поступают весьма часто мужики совершенно безграмотные, и они еще гордятся тем, называя себя, подобно апостолам, «некнижными рыбаками» и «безграмотными архиереями», просвещенными святым духом и самим богом умудренными» *.

О безграмотности «некнижного рыбака» и пророка Распутина говорят достаточно красноречиво оставшиеся после его смерти многочисленные записки «власть предержащим» и просто «на память», где беспомощные каракули еле-еле выражают синтаксически сумбурную речь.

Очень важно тут же отметить, что в пророческом даре отец Григорий получал вдохновение главным образом среди женского общества.

Это обстоятельство может послужить нам лишней уликой в хлыстовстве Распутина, если только мы обратимся к статье бывшего хлыста Преображенцева («Исповедь обратившегося раскольника»**), где говорится, что «религиозная восторженность», особенно благоприятная для проявления пророческого дара, у хлыстов обуславливается, — между прочим, совместным участием в радении мужчин и женщин. Свою мысль он иллюстрирует таким рассказом: «Один правитель корабля в секте людей божьих отделил духовных сестер от братьев»; во избежание «соблазна плоти». Но «святая беседа» одних братьев «не имела тон полноты благодати, которую они получали от Св. Духа прежде, когда они беседовали вместе с сестрами: не чувствовали того восторга и не имели сердечной теплоты, которая прежде согревала их сердца»; «они радели пристально... по лицу их пот катился градом, рубахи их были мокры, хоть выжми; но сердце их было хладно и сухо, духовной радости они не чувствовали; пророк пророчил вяло и нескладно. Так же точно было и с сестрами, когда они беседовали одни без братьев... беседы их лишены были мнимо-благодатной теплоты и обычной восторженной радости. Это принудило наставника опять соединить братьев с сестрами в одно общество. Когда это вновь соединенное общество совершало беседу, Дух Св. посетил их обильною благодатью: явились радостные восторги, оказалась и теплота сердечная: пророки пророчили в полной силе слова божия, как бывало прежде.

* Указ. соч. С. 130.

** Тульские епарх. вед. 1867. № 20 и 1868. № 6.

Дух Св. объявил через пророка начальнику того общества, что ему не угоден таковой раздел».

4) В числе характерных черт хлыстовщины нельзя не обратить внимание на исключительно *враждебное* (хоть и внешне маскированное) отношение «божьих людей» к *православному духовенству*. — «По мнению хлыстов... духовные лица, это — черные враны, кровожадные звери, волки злые, безбожные иудеи, злые фарисеи и даже сопатые ослы»*.

«Все вопросы, тесно связанные с церковной жизнью и назначениями, не только интересовали Распутина, — пишет С. П. Белецкий, — но близко его задевали, так как в этой области он считал себя не только компетентным, но и как бы непогрешимым»**, тем самым, — заключим мы, — расценивая оскорбительно-низко не только отдельных «пастырей», но и весь Синод вкупе!

До какой степени «мальтретирования» нашего духовенства доходил Распутин в своей «непогрешимости», показывает хоть бы его жестокая расправа с прежними, обласкавшими его друзьями — епископами Феофаном, Гермогеном и иеромонахом Илиодором, изнасилование монахини Ксении и т. п. факты.

По-видимому, Распутин находил сущее удовольствие в том, чтобы «пакостить», где только можно, представителям нашей официальной церкви. По-видимому, это составляло для него определенную задачу, входило так сказать в его *личные* планы. Чем иначе объяснить, например, факт несомненного (как доказал это Илиодор***) злостного, в известном смысле, недопущения Распутиным автономии духовной школы вообще и в частности — Петербургской духовной академии.

Чем объяснить иначе противодействие Распутина восстановлению древнего чина диаконисс в нашей церкви, о чем хлопотали все члены Синода, митрополит Владимир, игуменья вел. кн. Елизавета и целый ряд авторитетных в делах церкви иереев? — «Я папе сказал, что архиереи делают диаконисе для того, чтобы завести у себя в покоях бардаки. Царь с этим вполне согласился», — хвастался «меривший на свой аршин» Распутин в конце 1911 г.**** Чем большему числу ненавистных иереев мог «досадить» «непогрешимый» Распутин, — тем безапелляционней были его решения, когда к тому являлся подходящий случай. Достаточно вспомнить хотя бы его роль в вопросе о желательном почти всему нашему духовенству, в 1904–1907 гг., созыве всероссийского церковного собора!

* Энцикл. словарь Брокг. и Ефр. «Хлысты». С. 405.

** Указ. соч. С. 37.

*** Святой чёрт. С. 103–104.

**** Там же. С. 105.

«И без собора хорошо, — говорил он Илиодору, — есть божий помазанник, и довольно; *бог его сердцем управляет*, какой же еще нужен собор»*. (Под «*богом*», видимо, Распутин подразумевал здесь никого другого, как *себя* лично, «управляющего» сердцем «помазанника».)

«Разве это слуги божии? — говорил Распутин о священниках И. М-ву, сотруднику “Нового времени” в 1912 г. — Нет... Нет... А если где-либо вдали и найдется праведный священник, то все против него... Он, мол, завел какие-то порядки... Собирает вокруг себя людей... Сейчас разговоры... Кричат — сектант... Над праведным проносится гроза... Все ломают... Так нельзя... Нужно подумать о божиих... совсем другое будет, когда священники — то станут иные»...** «А почему теперь уходят в разные вероисповедания?» — вопрошал Распутин в своей книжке «*Мои мысли и размышления*» (стр. 28) и отвечал: «Потому что в храме духа нет, а буквы много — храм и пуст».

Так, разумеется, мог говорить только сектант, *презиравший* рядовое духовенство, в чем хлысты, как мы знаем, отличались особою страстностью.

Только издевательством над Православной церковью можно объяснить такие «*назначения*» *Распутина*, как представление к митре всячески скомпрометированного попа Восторгова, оглашенного еще Иоанном Кронштадтским как «мазурик», назначение епископом Макария Гневушина, — того самого, которого московские купцы обвиняли в уголовных преступлениях, проведение в экзархи Грузии известного мздоимца, опального епископа Псковского Алексея, после неожиданной смерти которого принужден был застрелиться его секретарь, испугавшийся ответственности за денежные дела экзархата, и т. п.

Особенно же характерным для хлыстовства Распутина было пожалование им Варнаве, почти неграмотному огороднику из Каргополя***, епископского сана: «Хоть архиереи и будут обижаться, что в среду их, академиков, мужика впихнули, да ничего, наплевать, примирятся» — так передал Распутин Илиодору о своем «объяснении» этого назначения Александре Федоровне****.

Вот уж где подлинно, во всем своем убожестве, проявилось хлыстовское равнение по апостолам и заносчивая гордость хлыстов своими «некнижными рыбаками» и «безграмотными архиереями».

* Там же. С. 114.

** Новое время. 1912. № 13038.

*** «Выйдя из простой среды, — сообщает С. П. Белецкий, — Варнава не получил даже и среднего образования» (Указ. соч. С. 16).

**** Святой чёт. С. 109.

5) «Хлысты, как и скопцы, по наружности исполняют все обряды и постановления господствующей в государстве Православной церкви, — констатирует Фед. Вас. Ливанов, — и в этом отношении даже нередко отличаются особенным хитро рассчитанным усердием. Они ходят по всей России исправно в православные храмы, отправляют, как следует, ежегодно долг покаяния и причащения, принимают к себе в дома православных священников для совершения обычных церковных треб, держат у себя настоящие святые иконы, словом — ловко кажутся во всех отношениях христианами безукоризненного православия. Всё это, однако, есть не более как личина, — говорит Ливанов, — носимая, по собственному выражению сектаторов “страха ради иудейска, т. е. во избежание преследования, определяемого существующими законами против них”»*.

В обряде принятия и секту хлыстов, называемом «приводом», поступающий клянется хранить тайну хлыстовского учения, не объявляя ее «ни отцу, ни матери, ни отцу духовному, ни другу мирскому»**; хлыстовская присяга кончается словами: «...соблюдать тайну о том, что увидит и услышит в собраниях, не жалея себя, не страшась ни кнута, ни огня, ни меча, ни всякого насильства»***.

С этой клятвой каждый хлыст как бы надевает на себя сокровенную маску.

О том, что Распутин никогда, даже и пьяном виде, никому не сознавался в «хлыстовстве» (выдавая его тем не менее помимовольно другими путями, согласно пословице «на всякого мудреца довольно простоты»), — об этой верности прославленного «старца» своей сокровенной маске мы хорошо осведомлены.

Но кроме этой маски, хлыстам известна еще и другая — маска, составляющая сущность и соблазн всего хлыстовского учения, — *мифологическая маска «Христа»*.

Среди разновидностей хлыстовства (вернее — штундо-хлыстовства) исповеданием этой «маски» особенно прославился толк «малеванщина», появившийся в 1889 г. Согласно учению малеванцев, глава этого толка есть «царь над царили, бог, во плоти пришедший», чтобы дать уверовавшему в него «безмятежную довольную во всем жизнь»; каждый же «малеванный», будучи «святым» и потому свободным от «закона», представляет собой «живое писание» — воплощение «Писания».

* Указ. соч. Т. II. С. 131.

** Энцикл. словарь Брокг. и Ефр. «Хлысты». С. 407.

*** Ливанов Фед. Вас. Указ. соч. Т. II. С. 83–86.

В 1895 г. основатель этого толка Кондрат Малеванный был помещен в Казанскую психиатрическую лечебницу, а «малеванщина» перекинулась в Сибирь, дойдя даже до Иркутской губ.*

Не зная в точности, принадлежал ли полностью Распутин к этому толку штундо-хлыстовщины, мы вправе, однако, подозревать его в *принадлежности к этому толку*, на основании сопоставления «исторических» дат: к 1895 г., когда малеванщина стала распространяться по Сибири**, произошло, как мы знаем (см. главу II — «Житие»), «обращение» сибиряка Распутина, и началась его жизнь «святого», стремившаяся к положению «царя над царями» и «бога, во плоти пришедшего».

Как только что сказано, мифологическая маска «Христа» была особо облюбованной у малеванцев: подражать Христу чисто *драматически* (лицедейски) составляло для этого толка хлыстовщины подлинную экстатическую радость.

«В религиозных собраниях первых малеванцев, — читаем мы у Д. Г. Коновалова***, — среди прыганья, женщины обнажались до пояса и в таком виде продолжали прыгать, кричать, радоваться, жестикулировать. По словам очевидца проф. Сикорского****, часть происходивших при этом движений носила несомненный характер экспрессивных движений и аллегорических жестов, которыми иллюстрировались темы, служившие предметом молитв, бесед, экстаза. Так, например, сцена быстрого обнажения женщины до пояса во время пения “Кресту Твоему поклоняемся” была объяснена двояко: крестьянин, стоявший вдали, объяснил, что женщина обнажением тела хочет показать, что Христос был распят на кресте обнаженным; сама же обнажавшаяся женщина объяснила, что она хотела показать, как Христос воскрес и снял с себя гробные пелены». На тех же собраниях случалось, что среди прыганья и судорог женщины распускали волосы и стремительно бросались к мужчинам с страстными объятиями и поцелуями. Вообще, по наблюдению Сикорского, эротические, страстные позы и движения, иногда с соответствующими галлюцинациями, были нередким явлением в экстазе малеванцев. Нелепый и непристойный характер многих страстных поз малеванцев объясняли таким образом,

* Дополнит. 2-й том Энцикл. словаря Брокг. и Ефр. «Малеванщина».

** В Тобольской губ. — родине Распутина — народ был издавна восприимчив ко всевозможным хлыстовским толкам; стоит хотя бы указать, что хлысты привлекались к следствию Тобольской консисторией еще в XVIII веке (Коновалов Д. Г. Указ. соч. С. 80).

*** Религиозный экстаз в русск. мистич. сектантстве. С. 131.

**** Сикорский. Психоп. эпид. С. 13.

будто в этих движениях скрыт какой-либо высший смысл, не всегда понятный для окружающих, как в приведенном примере обнажения женщины... Тамбовские хлысты-богомолы называли такие действия «творениями», «чудотворениями» или просто «штуками» (Тамбовское дело о хлыстах-богомолах, л. 557). «Со мною, — говорила Анисья Копылова, — на собраниях бывало, что я что-нибудь делаю, возьму, например, образ и представляю какие-нибудь творения, или что-нибудь другое делаю в этом роде»... Филипп Копылов в собраниях «надевал себе на голову образ и ходил по комнате, этим он хотел выразить, что так следует носить закон, т. е. не уронить его и не обратиться опять в мир». «Иногда платками увешивает кого-либо, точно как статую наряжает: знак, что человек тот защищен божьими щитами... Иногда пророк бьет себя по щекам за грехи праведных людей» и т. д. Много подобных чудес творили и пророки Верхоценских хлыстов (см. Дело о них Тамб. о. суда, № 2481, л. 38–45 следств. произв.).

На собраниях оренбургских хлыстов-дурмановцев «выходили молодые девицы и женщины и начинали петь; затем изображали какие-то действия, поднимали руки, распинались, как в театре представляли» (показание участника)*.

Подражание «старому Христу», как называют хлысты евангелического Иисуса Христа, заметно у Распутина прежде всего в его внешности, начиная с прически длинных волос, размере и контуре его бороды и кончая излюбленными им широкими, ризоподобными рубахами и рясоподобным армяком.

Когда Распутин фотографировался, он принимал или кроткую позу иконописного Христа, с рукою, умильно прижатую к груди, или с руками, молитвенно сложенными вместе, или же позу «благословляющего народ»**, живописную позу «сокрушающегося Христа»***, и т. п.

Мифологическая «маска» Христа, а не другого какого-либо пророка обязывала Распутина к «божественному» стилю его речи, ко всем этим речениям, изречениям, quasi — притчам и т. п.

Эта же «маска», дразня его чувственное воображение садиста обрядом умовения ног на «тайной вечери», особенно же — надо думать — картиной умовения ног Христа Марией Магдалиной, влекла Распутина

* Сикорский. Указ. соч. С. 134.

** См., напр., снимок, воспроизведенный в «Петр. листке» от 23 марта 1917 г. с подписью «колдун старой России» (Григорий Распутин-Новых).

*** См., напр., снимок Распутина в «Петр. газете» от 12 марта 1917 г. с автографом на карточке, гласящим: «Что завтра? ты наш руководитель, боже, сколько в жизни путей тернистых». (Этот же снимок воспроизведен и в книжке Распутина «Мои мысли и размышления».)

к *инсценировке* этого события, о безудержной половой психопатии обращающей чуть не каждую «подходящую» поклонницу «старца» в блудницу Марию, униженно моющую ему ноги.

Христос, бичуя, выгнал торгующих из храма в Иерусалиме (откуда потом распространилось ученье Христа) — Распутин, бичуя, выгнал проститутку из «храма любви» в Казани* (откуда потом распространился толк малеванщины). — О том, что он признавал лишь бескорыстную любовь к себе, как к Христу, говорят его записки «на память» певичкам хора в ресторане «Яр», с советом: «люби бескорыстно». (См. I главу настоящего очерка.)

Удовлетворяя свою флагеллянтистическую склонность (отмеченную нами во II главе), Распутин воздавал одновременно и «богу (божие) и кесарю (кесарево)», ибо наиболее популярная хлыстовская песня начинается, как известно, словами:

«Хлыщу, хлыщу, Христа ищу...»

А искать Христа в себе было для Распутина первейшей хлыстовской задачей...

Мы уже знаем (Из беседы «старца» с Илиодором), какое значение придавал Распутин признанию его «Христом» из уст Николая II и его «благоверной». У «простого» же народа, там, у себя в Тюменской глуши, он уж на заре «подвижничества» внушил легковерным такое важное для каждого хлыста признание. — «На улицах, когда он проходил, — передает Палеолог дошедшие до него слухи, — падали на колени, целовали ему руки, прикасались к краю его тулупа; ему говорили: “Христос наш, Спаситель наш, молись за нас, грешных. Бог услышит тебя”. Он отвечал: “Во имя Отца и Сына и Духа Св. благословляю вас, братцы. Верьте, скоро вернется Христос. Терпите, памятуя о его мучениях. Из любви к нему, умерщвляйте плоть вашу”»**.

О том, *как* сам он умерщвлял плоть из любви к Христу, т. е. (в хлыстовском понимании) *из любви к себе*, об этом мы уж говорили.

Любовь к себе Распутина, порою близкая к *самообоготворению*, проходит красной нитью по всех характеристиках «старца», какие мы только встречаем в различных мемуарах о нем. И это уж одно могло бы послужить довольно важною уликой для обвинения Распутина в хлыстовстве, так как именно у хлыстов «на превратном понимании и толковании слов святого апостола, — говорит Фед. Вас. Ливанов, — сложилось учение о личном самообоготворении***».

* Палеолог. Указ. соч. С. 9.

** Там же. С. 10.

*** Там же. С. 117.

б) Нам остается, в целях окончательного раскрытия хлыстовской тайны Распутина, сказать еще несколько слов о *сексуальной этике хлыстов* и сравнить с ней Распутинскую.

Начнем с брачных отношений «божьих людей».

Как известно, хлысты считают священников «поганцами, смутниками, любодеями или «гнездниками», потому что они женаты... Брак и крещение хлысты считают за осквернение; в особенности вступающих в брак почитают погубившими душу свою» и пр. *

Отвергая церковный брак, уча, что с прежней (до вступления в секту) женою следует жить, как с сестрою, хлысты имеют духовных жен, плотские связи с коими не составляют греха, ибо здесь проявляется не плоть, а духовная «Христова» любовь. Иметь связи с чужими женами значит у хлыстов — «любовь иметь, что голубь с голубкой». Поэтому хлысты, не терпя брака, оправдывают внебрачные отношения. Вступающий в секту хлыстов, если он женат, должен прекратить супружеские отношения, но без гласного расторжения брака**.

Прекратил ли совершенно «обращенный» Распутин «супружеские отношения» с женою своею Прасковьей Федоровной (женщиной «болезненной», по словам Илиодора), об этом мы ничего толком не знаем. Что же касается *верности* этим «супружеским отношениям», то, как мы убедились, из рассмотрения целого ряда засвидетельствованных фактов, Распутин являлся каким-то *образцом супружеской неверности*. И жена его Прасковья Федоровна знала, по словам Илиодора***, «все художества своего муженька, но из-за корыстных расчетов скрывала его похождения». «В доме у него жили две подозрительные девки, — сообщает Илиодор в записке «Гриша». — Один раз они хотели лечь со мною в одной комнате, но я этому воспротивился. Уж после я понял, что Гриша хотел меня сделать хлыстом»****.

Сам являя чудовищный пример супружеской неверности, Распутин, *не порывая с женой*, учил той же хлыстовской этике и своих поклонниц вкупе с их мужьями. («Я принадлежала ему и считаю это величайшей благодатью», — хвасталась полковница Б. — «Но, ведь вы замужем, как же муж?» — допытывалась Е. Джанумова. — «Он знает это и считает это великим счастьем. Если отец пожелает кого, мы считаем это величайшей благодатью, и мы, и мужья наши,

* Ливанов Фед. Вас. Указ. соч. С. 83 («Хлыстовская богородица Акулина Тимофеевна»).

** Энцикл. словарь Брокг. и Ефр. «Хлысты». С. 406.

*** Святой чёрт. С. 30.

**** См. Приложение к запискам С. П. Белецкого. Указ. соч. С. 96.

если у кого есть мужья» *; таков был ответ «обращенной» Распутиным полковницы.)

Как в брачном вопросе, так и в других вопросах сексуальной Этики, Распутин являл себя самым ревностным последователем хлыстовского учения и хлыстовских повадок; даже такие сравнительно пустяки, как хорошо многим памятные обязательные *лобзанья* Распутина, при встрече его с женщинами, не свободны от подозрения в хлыстовстве. «Видел я, — рассказывал покаявшийся хлыст Балабанов, — что Трифон (Богомолов, древнейший распространитель хлыстовства в Оренбургской губ.) и все спутники его... женщин и девиц, при всяком свидании, всякий раз, непременно целуют, называя это духовным лобзанием и толкуя, что через это лобзание, как бы через духовный союз, они... привлекают к себе любовь духовных последователей, которые после лобзания, как связанные чем-то, охотнее слушают их. Даже иногда видел я, как эти окаянные юроды дают некоторым сосать свой мерзкий язык» **.

Во всех остальных своих блудодеяниях Распутин повторяет до некоторой степени «житие» предшественника своего Радаева (Василия Максимовича Миронова), — знаменитого в 50-х годах прошлого столетия арзамасского *хлыстовскою* пророка. «Дух, во мне находящийся, — говорил Радаев, — имеет влечение ко мне привязывать и притягивать людей». Его требованиям и внушениям ученицы его подчинялись беспрекословно. «По произведенному следствию оказалось, что Радаев был в прелюбодейной связи с 13 женщинами и девками; и все эти женщины единогласно показали в допросах: «склонил он меня на прелюбодеяние, говоря, что это сделать должно по воле божией, а не по его, ибо в нем своей воли нет, чему веря, я и согласилась». Сам Радаев объяснил насчет девушек: «Сила, во мне действующая, так с ними поступати сильно нудила, так что никак не мог противиться ей, хотя и видел, что преступаю заповедь божию... Я так понимал сей поступок: хотя я с писанным законом творю и несходно, но с волею божией сходно» ***.

О *гипнотическом* влиянии хлыста Радаева, особенно на женщин, свящ. Минервин доносил, в 1850 году, Нижегородской уголовной палате, как о влиянии исключительной силы. «И столько сильны действия его обольщения, что оными пораженное сердце впадает в крепкое страдание тоски, и не могут с ним переносить разлуки, в особенности женского пола. Если они удерживаются силою наказания или какою бы

* Джанумова Е. Указ. соч. С. 30.

** Коновалов Д. Г. Указ. соч. С. 78.

*** Там же. С. V.

то ни было строгостью воспрещения от свидания с ним, то впадают в какое-то безумие и начинают юродствовать»*.

Не стоит останавливаться дольше на этом самом уязвимом месте «жития» Распутина: «свальный грех» у хлыстов и блудный «грех» Распутина слишком хорошо известны просвещенному читателю.

Распутин был хлыст, по-видимому, малеванского толка. — Таково заключение, к которому мы приходим на основании ряда сопоставлений характерных черт его жизни и учения с таковыми же у хлыстовских «пророков», именовавшихся, как и Распутин, «божьими людьми».

Если бы бывш. императрица Александра Федоровна была более просвещенной в истории русского мистического сектантства, она, конечно, скоро сорвала бы мифологическую маску со своего учителя и, имея пред собой пример Радаева и прочих религиозных эротомагов, не считала бы клеветой обвинение Распутина (устами В. И. Гурко и других) в принадлежности к хлыстовской секте.

Если б вообще при дворе не чурались «бонтонно» таких «неприличных» книг, как «Половая психопатия» Краффт-Эбинга и «Половой вопрос» проф. Авг. Фореля, — быть может, Распутин и на порог дворца не пустили бы, а пустив, раскусили бы и с позором выгнали бы. Но в Царском Селе, к сожалению, для дома Романовых, читали больше «священное писание», чем книги научного содержания, и наука жестоко отомстила «высоким» невеждам за пренебрежение к своим мудрым дарам.

У того же Авг. Фореля Николай и Александра Романовы могли бы легко убедиться из многих примеров, что Распутин далеко не новое явление, что история происхождения подобных «пророков» почти буквально порой повторяется** и что прославленный «отец Григорий» отличался от своих предшественников лишь сочетанием с «одержимостью» того здравого у него «мужицкого» смысла, которое дало ему возможность «обворожить» Романовых и, ценою их позора, занять в истории России страницу, какой, при всем желании, не найти в истории других государств.

В самом деле!

* Там же. С. 145.

** Религиозные формы помешательства, в связи с религиозным экстазом, дают иногда в результате отвратительные оргии на половой почве, — говорит Форель (Указ. соч. Т. I. С. 265). — «Один помешанный, — сообщает он, — выдававший себя за благочестивого и чуть не пророка, жил с одною молодой женщиной и ее матерью, состоял с ними одновременно в половых сношениях и проделывал всевозможные гадости, придавая им религиозное значение». Вспомним (из показаний министра А. Н. Хвостова) о хвостовстве Распутина тем, что он был в связи и с Александрой Федоровной, и с ее дочерью Ольгой!

В том же 1906 году, когда Распутин появился на романовском «горизонте», в одной из местностей Венгрии рабочий, душевнобольной и помешанный на религиозных представлениях, но вместе с тем и сексуально-извращенный, имел «откровение» и повел за собой большое число женщин. Эта новая община должна была совершенно оголяться и т. п.* «Однако, — сообщает Форель, приведший данный случай во II томе своего капитального труда, — история эта скоро раскрылась и таким образом была пресечена в корне». — «Я лично наблюдал в кантоне Цюриха, — говорит тот же ученый двумя страницами дальше, — последовательниц секты пастора Целлера в Меннедорфе. Пастор этот олицетворяет собою род пророка, берущего на себя лечение больных и силящегося подражать Христу и Иоанну Крестителю. Благоприятные случаи действительного исцеления, легко объясняемые внушением, он, однако, ставит в связь с чудом. Истерические женщины массою окружали этого пророка, причем личность его, как таковая, и заключала для них главные мотивы обаяния. Бывшие у меня на лечении в больнице некоторые из его поклонниц в восторженных отзывах о нем исходили исключительно из плотских побуждений. Приходится вообще сделать вывод, — заключает Форель, — что отречение человека от своей природы и стремление к чистой святости нередко дают в результате одну только грубую чувственность, хотя и прикрывающуюся возвышенными фразами»**.

Во всех этих и им подобных случаях у народов, управлявшихся психически нормальными властями, «пророки», «святые», «христы» и прочие религиозные авантюристы, проявлявшие так или иначе *délire érotico-réligieux*, сажались не в царские палаты, а в психиатрические лечебницы.

Григорий же Распутин — истеро-эпилептик, страдавший явной эротино-религиозной манией, — в результате гипноза своей «мифологической маски» покоривший больную волю «самодержавного» дегенерата (и лишь отчасти благодаря практической смётке, проявлявшейся этим хлыстом в *lucida intervalla* у «кормила правления»), был в России допущен «властями» к *положению, совершенно исключительно* не только в летописях нашей краткой «отечественной» истории, но, можно смело сказать, и в летописях всемирной, многовековой истории.

Что сказать о нем в заключение? Что сказать вообще о «распутинском» периоде царства Романовых?

Мне вспоминается торжественный гимн, распевавшийся так непонятно долго в нашей обширной стране.

* Форель. Указ. соч. Т. II. С. 365.

** Там же. С. 370–371.

«Боже, царя храни!» — умильно надсаживались глотки миллионов верноподданных императора Николая II.

Какая поистине страшная ирония судьбы звучала в словах этого тягучего гимна!

«Боже, царя храни!» — пел народ, не подозревая, *какой* земной «бог» перехватывал самоуверенно эту мольбу, относя ее всецело к себе!

«Сильный, державный», — славословили, словно в насмешку, Николая II — эту исключительно жалкую, слабовольную личность, всецело подчиненную действительно державному сектанту.

«Царствуй на славу, на славу нам!» — повторяли верноподданные «царя-батюшки», словно слепые к тому позору, каким покрывал Россию с каждым годом все больше и больше несчастный «папашка», как звал царя пренебрежительно подвыпивший Распутин.

«Царствуй на страх врагам», — внушал хор «истинно русских» своему «обожаемому монарху», пока тот, как нарочно, готовил ряд поражений и перед «внешними», и перед «внутренними» врагами.

«Царь православный», — пели в заключение верующие, не зная, что на самом деле царствует не царь, а Распутин, и не православный, а хлыст.

«Боже, царя храни!» — кончался этот затяжной гимн, при воспоминании о котором невольно краснеешь за одно из редких, по своей многосторонности, заблуждений народа.

«Бог» вообще довольно плохо — говоря откровенно — «хранил» русских царей за последнее время. Но все же как-то, с грехом пополам, а хранил-таки, старый! Когда же должность царского охранника была захвачена у «бога» Распутиным, да еще заодно с должностью русского царя, — наступила катастрофа, при которой погибли и оба царя, и оба бога.

